

Николай родился в деревне Турецк 23 ноября 1923 года. Окончил начальную школу, а потом стал помогать отцу и матери по домашнему хозяйству, в колхозе Стаханова был занят на разных работах. В 1940 году окончил курсы трактористов в Большеулуйской машинно-тракторной станции, стал работать на тракторе.

ВОЙНА

В самый длинный июньский день 1941 года началась Великая Отечественная война.

Не обошла беда и деревню Турецк. Мужчины призывного возраста стали получать мобилизационные предписания, и отправляться с вещами в Ачинский районвоенкомат. Как только Николаю Костину исполнилось 18 лет, то через два дня, 25 ноября 1941 года, его призвали в ряды Красной Армии. Из Ачинска часть новобранцев отправили в Красноярск, на обучение военному делу.

Зима 1941-1942 годов выдалась в крае суровой, морозы доходили до - 50 градусов. Тяжело доставалась молодым красноармейцам солдатская жизнь. Было холодно и голодно. Жили в землянках, спали, не раздеваясь, на трёхъярусных деревянных нарах. Изучали винтовку, станковый пулемёт, занимались строевой подготовкой.

Закончилась учёба молодых солдат, и 3 марта 1942 года, 65 лет назад, их часть отправили в действующую армию. Ехали эшелонам до станции Сомово 22 дня. После прибытия попали, как потом выяснилось, на Воронежский фронт.

Под деревней Графовка Шубейского района Белгородской области красноармеец Николай Костин принял боевое крещение, получил ранение в лодыжку. Идти не мог - полз к своим, выбиваясь из сил. Вокруг свистели пули. Добрался до лощины, решил немного передохнуть.

Здесь нашли и подобрали его санитары. Они собирали раненых на лошади. Отвезли в медсанбат, где сделали перевязку. После отправили в госпиталь. Вместе с ним пришлось эвакуироваться на восток. Часто попадали под бомбёжки. Эвакуация раненых проходила только по ночам. Ходить Николай Костин пока не мог, поэтому санитарам приходилось переносить его на носилках.

После выздоровления он был зачислен в 1155 стрелковый полк, сформированный из сибиряков в городе Красноярске. И попал на Сталинградский фронт. Кровавопролитные бои шли порой круглые сутки. Немцы войска рвались к Сталинграду. Именно тогда в войска поступил приказ Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, получивший название «Ни шагу назад!»

15 августа 1942 года шёл тяжёлый бой с фашистскими войсками. Участвовал в нём полк, в котором служил сибиряк. На вооружении у наших солдат были только винтовки. Тем не менее сибирский полк сражался с немецкой пехотой упорно, отражая бесчисленные атаки. И тут на помощь фашистам подошли танки с крестами на башнях. Что можно было сделать с одной винтовкой, да ещё без патронов, против таких железных громадин?

Поутюжили гусеницами немецкие танки наши окопы, сравнивали их с землёй. Часть советских солдат задавили и засыпали в траншеях. Оставшихся в живых гитлеровцы окружили и захватили в плен. Среди них оказался и Николай Костин.

Живёт в деревне Турецк неприятная семья пенсионеров Костиных: Николай Михайлович и Мария Никифоровна. Часто болеют своими старческими недугами: сказываются прожитые военные и послевоенные годы.

В особенности тяжёлый жизненный путь выпал Николаю Михайловичу. Ему довелось испытать суровые военные будни, а позже - кошмар гитлеровских концлагерей. Простой русский парень из деревни Турецк стал советским военнопленным под № 228. Почти три года провёл он в самом сердце гитлеровской Германии, Рурской области, в рабочем концлагере № 18-02, расположенного недалеко от города Оберхаузен.

УЗНИК КОНЦЛАГЕРЯ № 18-02

ФАШИСТСКАЯ НЕВОЛЯ

Всех захваченных гитлеровцы загнали в глубокий овраг, всю ночь продержали в нём. На следующее утро погнали колонну советских военнопленных на запад.

В ближайшей деревне немецких солдат-армейцев сменили приехавшие на грузовой автомашине специальные конвоиры-эсэсовцы. Они сразу показали, что не будут «церемониться» с военнопленными. Всех отстающих от колонны стали подгонять ударами в спину. Если кто-то из пленных не мог идти дальше - расстреливали из автоматов. Когда Николай из-за сильной жажды попытался напиться воды из придорожной лужи, то получил от здорового эсэсовца удар сапогом в левый бок.

К вечеру второго дня конвоиры пригнали военнопленных в сгоревшую деревню, разместили на бывшем скотном дворе. Все животноводческие постройки от пожара обвалились. Спать было негде и не на чем. Умудрялись, кто как мог, найти место посуше. Хотя сделать это под открытым небом и морозящим дождём было практически невозможно. Одежда промокла насквозь и прилипла к телу.

Утром дождь перестал. Выглянуло солнце, стало немного теплей. Николай Костин прикорнул прямо на земле. Разбудили товарищи по несчастью, принесли наполовину сожжённую пшеницу. Она была обнаружена на сгоревшем злеваторе. И, если голод пленные хоть частично утолили, то питьевой воды нигде не было. Пришлось пить воду из неглубокой лужи, несмотря на запах навоза.

Хотя этап пополнялся красноармейцами, захваченными на других участках фронта, колонна пленных постоянно редела. Отстающих, обессиленных от голода и жажды людей становилось всё больше. Многих из них эсэсовцы расстреливали.

Стал постепенно отставать от колонны и Николай Костин. Его невыносимо мучил голод, каждый шаг давался с большим трудом. В любой момент он, совершенно обессиленный, мог упасть на до-

рогу, и остаться там навсегда.

Местное население с оккупированной фашистами территории встречало каждый этап советских военнопленных, и старалось хоть как-то помочь измученным соотечественникам. Люди клали картошку или кусочек хлеба на обочину дороги перед проходом по ней пленных. А сами отходили в сторону. Гитлеровцы отгоняли их от проходящей колонны, а самых упорных расстреливали на месте.

Какая-то пожилая женщина положила перед Николаем Костиным кусочек ржаного, чёрствого хлеба весом примерно в двести граммов, а сама отошла в сторону. Она смотрела на него печальными глазами и плакала. Сибиряк подобрал этот кусочек хлеба и съел весь, не оставив ни малейшей крошки. Таким вкусным оказался ему этот подарок. Мучивший его голод немного утих, сил добавилось. Николай смог догнать колонну.

Николай Михайлович Костин и сейчас, в преклонном возрасте, с великим уважением и огромной благодарностью вспоминает эту пожилую женщину-мать, и оторванный ею от семьи кусочек хлеба. И говорит, что если бы не она, он вскоре упал бы на дорогу, и нашел бы на ней верную смерть - его бы расстреляли эсэсовцы.

К вечеру третьего дня конвой пригнал военнопленных на большую железнодорожную станцию. Ночёвка предстояла опять под открытым небом, на территории сгоревшего курятника. Ни воды, ни еды не предвиделось. В поисках хоть чего-то съестного голодные невольники бродили по курятнику, находили на земле полубогоревшее пшено вместе с куриным и мышиным помётом. Ели его, запивая водой из луж.

На следующее утро гитлеровцы приказали военнопленным грузиться в товарные вагоны, и отправили их в Германию. Многие из невольников не выдержали изнурительной дороги, умерли от голода и болезней.

После прибытия в Германию Николай Костин оказался в пересыльном концлагере № 326. В

нём советские военнопленные проходили так называемую дезинфекцию. Мылись в бане. Гитлеровцы давали то горячую, то холодную воду. В завершение пошла совсем холодная. Все военнопленные замёрзли, посинели и дрожали от холода.

После этого гитлеровцы переодели невольников в полосатую робу, обули в деревянные башмаки и присвоили каждому военнопленному порядковый номер. У Николая Костина он оказался 228-ым. Из пересыльного лагеря их отправили в другой - на каторжные работы в Рурской области.

КАТОРЖНЫЕ РАБОТЫ

Их привезли в рабочий концлагерь № 18-02, находившийся неподалеку от города Оберхаузен.

По периметру он был обнесён колючей проволокой, которая находилась под напряжением. Над лагерем возвышались вышки часовых. Пленных разместили в бараках. Неподалеку находились вольеры, в которых раздавался громкий лай собак. Эти овчарки были специально натренированы для нападения на людей в полосатой форме. Денно и ночью работала в этом концлагере фабрика смерти, дымилась труба крематория.

Начались ежедневные каторжные работы. После подъёма в 5 часов утра в любую погоду на плацу лагеря следовала проверка. Далее всех отправляли поездом на работу. Николай Костин попал в железнодорожные мастерские, вместе с другими пленными ремонтировал вагоны. Подъёмные механизмы в мастерских были исправными, но бездействовали, поскольку гитлеровцы их отключили. Поэтому приходилось пленным поднимать все тяжёлые запасные части вручную. Часто руки не выдерживали напряжения и разжимались. Механизмы падали на пол, порой калеча «рабочему скоту» ноги.

Питание для советских военнопленных состояло из вонючей баланды, в которой было немного полугнилого картофеля и такой же капусты. Спать приходилось на трёхъярусных нарах. О постельном белье не могло быть и речи.

Некоторые военнопленные, обессиленные от ежедневного каторжного труда и чудовищных издевательств, шли на предательство и становились полициями концлагеря. А кто-то не выдерживал и бросался на колючую проволоку, по которой был пропущен ток. Последние предпочитали смерть, нежели измену Родине.

Однажды Николай Костин наелся полумёрзлой брюквы. У него началась дизентерия, расстроился желудок. Две недели мучила его эта болезнь. Это был прямой путь в «доходиловку» - специальный барак, где пленных держали без пищи, и они постепенно умирали от истощения организма. А оттуда тела узников отправляли в лагерьный крематорий. Кое-как Николай выкарабкался из этой болезни, и не попал в «доходиловку».

По соседству с концлагерем для советских военнопленных находилось ещё два: французский за № 18-01, и итальянский - № 18-00. Содержание и питание в них было намного лучше, особенно - для французских пленных.

Наступил 1945 год. Английские и американские бомбардировщики наносили массированные удары по военным объектам и городам Рурской области Германии. Пленные уже ждали ночных налё-

тов, поскольку союзники предпочитали бомбардировки в тёмное время суток. Случалось, что за ночь воздушную тревогу объявляли до пяти раз. Пленные скрывались в это время в бомбоубежище. Два раза взрывы гремели на территории лагеря. Были убитые - немцы, и свои, военнопленные.

В апреле 1945 года пришёл радостный день, когда охрана лагеря попросту сбежала, поскольку приближались войска союзников. Бывшие узники оказались предоставлены сами себе. Небольшая группа, в том числе и Николай Костин, двинулась на запад - именно там союзники запланировали разместить бывших советских военнопленных. Сборный пункт оказался в городе Оснабрюк. Здесь их хорошо накормили. А через несколько дней англичане на грузовых автомашинах отправили бывших узников на реку Эльбу. Здесь, на мосту, состоялась передача прежних пленных представителям советского военного командования.

Узников встретили наши солдаты с невозмутимыми лицами. Для них все эти люди в полосатой робе потенциально оставались предателями Родины. И разобраться, кто они, должен был особый отдел. Николая Костина допрашивали четыре раза. Проверку он выдержал спокойно, поскольку совесть его была чиста. Он вынес все испытания, которые выпали на его долю в фашистской неволе.

МИРНЫЕ ДНИ

Николая Костина оставили служить в рядах Советской Армии. Ему присвоили звание младшего сержанта, назначили командиром отделения, которое входило в состав роты обслуживания аэродромов 17-ой воздушной армии. Она охраняла аэродром неподалеку от города Штраусберг, что в Восточной Германии.

Лишь через четыре года после завершения боевых действий дошла очередь демобилизации и для младшего сержанта Костина. 12 июня 1949 года он был уволен в запас, и отбыл на родину.

Вернулся в деревню Турецк, где всё было близко и знакомо. Дальнейшая жизнь Николая Михайловича похожа на судьбы многих представителей послевоенного поколения. Работал трактористом в Комсомольской машинно-тракторной станции. Затем трудился в колхозе «Победа» в деревне Турецк.

В ноябре 1949 года фронтовик женился на односельчанке Марии Никифоровне Родькиной. Семейная жизнь их сложилась удачно. Прожили с супругой до преклонного возраста в мире и согласии. Вырастили пятерых детей - двух сыновей и трёх дочерей. Старший сын, Василий, родился в 1952 году, Николай - на два года позже. Затем, в 1956 году, в семье Костиных появились сёстры - близнецы Валя и Зоя. Самая младшая, Нина, родилась в 1959 году.

Дети давно уже стали взрослыми и обзавелись своими семьями. Четверо из них получили высшее образование. Часто приезжают с внуками и правнуками в деревню Турецк к родителям.

Николаю Михайловичу Костину идёт 84-й год. Почти 62 года прошло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война. Но старые раны постоянно напоминают о себе, как и подорванное в фашистской неволе здоровье.

В. СТАЛЬМАКОВ,
д. Сучково.

А 18 мая 1942 года он был ранен около села Графское Шубейкинского района Белгородской области. Его вместе с другими ранеными увезли на машинах в Воронежскую область.

В городе Воронеж один из госпиталей размещался в 33-й школе, туда и попал Николай. Но ранение оказалось легким, и в июне 1942 года его выписали. Около месяца пробыл в запасном полку. А затем был зачислен в сформированный 1155 стрелковый полк 311 стрелковой дивизии.

И вновь было отступление. Немецко-фашистские части буквально наступали на пятки подразделениям Красной Армии. Это происходило в Сталинградской области, там, где она граничила с Саратовской. Наши отступали по ночам. Однажды ночью пришлось пройти пешком около 30 километров. А утром поступил приказ - занять оборону. Было это, как вспоминает Н.М. Костин, буквально на чистом месте. Пока окапывались, над ними кружил немецкий самолет - корректировщик. А потом началась артподготовка. И на позиции наших войск двинулись танки. Они быстро достигли окопов и принялись их утюжить. Часть красноармейцев была раздавлена танковыми гусеницами, оставшихся в живых захватили в плен немецкие пехотинцы. Так Николай Костин оказался в фашистской неволе.

Обо всем, что происходило потом, Николай Михайлович помнит до сих пор. Он рассказывает о каждом дне плена как-то отстраненно, приводя мельчайшие подробности событий более чем 60-летней давности. И несколько раз повторяет: «Да разве обо всем расскажешь?»

Из того, что поведал Н.М. Костин о первых днях и неделях плена, можно сделать вывод - немецкий конвой совершенно не заботило, будут ли живы советские военнопленные или нет. Их первое время кормили от случая к случаю, не давали воды. Гнали ночами, опасаясь, очевидно, бомбежек. Пленные считали за везение, если им удавалось на ходу захватить из вороха пригоршню ржи или горелой пшеницы. Спали на скотных дворах, в курятниках, сараях. Повезло тем, у кого сохранились шинели, они заменяли и одеяла, и матрацы.

Пленных гнали в Ростовскую область. Многие из них от голода в считанные дни стали доходягами. Стал слабеть и Николай. Он вспоминает, что спасали их наши женщины, которые сочувствовали пленным красноармейцам, оставляли на пути колонны кто хлеб, кто сало. Николай к тому времени начал отставать, не мог идти вместе со всеми. А отставших конвойные пристреливали. И вот тогда одна бабушка подбросила ему большой кусок хлеба, граммов на 200. Николай Михайлович вспоминает, что после этого «зашевелился, думаю, надо торопиться».

После примерно двух недель пути, когда часть невольников умерла, колонну остановили. Для оставшихся устроили дезинфекцию. Дали в бане холодную воду, обнаженные люди сбились в угол. Так и стояли час или два, пока пропаривали одежду. Оказываешься, их готовили для отправки в лагерь, в Германию. Дали хлеба по буханке, посадили на открытую железнодорожную платформу.

ДВА СЕРЖАНТА-НИКОЛАЙ КОСТИН (СПРАВА) И ФЕДОР МОСКВИН В 1948 ГОДУ.

Наш собеседник, Николай Михайлович Костин, родился в 1923 году и жил в деревне Турецк. Вскоре после начала Великой Отечественной войны был призван в ряды Красной Армии. Служить довелось в 1052 стрелковом полку 301 стрелковой дивизии. Познал трудные пути отступления, вбронитальные бои.

ВЫЖИВШИЙ В ПЛЕНУ

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ В ГОД 60-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ.

Через несколько дней они прибыли в лагерь № 326. Позже их перевели в другой. Н.М. Костин вспоминает, бывали случаи, когда спали вповалку, а рядом умирал сосед. Так и лежали вместе до утра.

Потом был третий лагерь. Вначале гнали их до станции так, что Николай не чувствовал от усталости ног. Посадили в товарный вагон, привезли на место. Там продержали недели две. Дали старую солдатскую форму - их одежда к тому времени полностью истрепалась. Позже перевели в рабочий лагерь № 1802. Рядом был французский, под номером 1800. Если раньше кормили раз в день, то здесь питание было получше. А Николая как раз отправили на кухню, и он наелся капусты и брюквы. После этого желудок расстроился на две недели.

Режим в этом лагере был жестким. В 5 часов утра - подъем, с шести начинали работать. Возили в вагонах. В восемь утра объявляли перерыв на 15 минут,

давали эрзац-кофе без хлеба. Затем вновь работали, в 12 часов был перерыв на обед на 30 минут. Рабочий день заканчивался в пять часов вечера. После этого давали буханку хлеба в полтора килограмма на пятерых пленных. Итого получалось на каждого по 300 граммов. Давали и одну ложку сахара... один раз в неделю, в среду.

Лагерь находился в Рурской области. И по ночам этот важный в промышленном отношении район постоянно бомбили английские и американские самолеты. Николай Михайлович вспоминает, что однажды авиабомба упала на территорию соседнего концлагеря, и прямым попаданием разнесло барак. Тогда после объявления воздушной тревоги заключенных стали водить в бомбоубежище, которое конвоиры называли «русс-келья». На самом деле это было машинное отделение шахты. Особенно интенсивными стали бомбардировки ближе к окончанию войны. Иногда за ночь воз-

душная тревога объявлялась до пяти раз. И практически каждую ночь бывали бомбежки. Однажды бомба попала в столовую - весь уцелевший хлеб растащили пленные.

Работали невольники в железнодорожных мастерских, ремонтировали вагоны. А еще - на литейном заводе. Всего советских военнопленных было в лагере 600, выжило к концу войны около 300. Тех, кто совсем обессилел, отправляли в «доходилку». В это число попал и друг Костина Николай Колесников, 1922 года рождения. Оттуда он не вернулся.

В марте 1945 года оставшихся военнопленных погнали на запад. Колонна шла ночью, минуя немецкие города, которые были в основном разбомблены. Однажды всех загнали в сарай какого-то помещика - бауэра. Держали сутки, и за это время стала слышна сильная стрельба. Немецкие конвоиры, почувствовав быстрое приближение фронта, думали больше о своем спасении. Тогда и решили пятеро военнопленных - Костин, Кузнецов, Столбенко, Каменщиков и еще один, отделиться и уходить самостоятельно, ожидать прихода войск союз-

ников. Зашли в лес, осмотрелись. Видят - место чистое, недалеко постройки. Оказалось, что рядом в усадьбе жил помещик. Увидев пятерых пленных, он все понял без слов, сварил целый котел еды, накормил их.

Через некоторое время им сказали, что всем военнопленным нужно идти на сборный пункт на запад, в город Оснабрюк. 30 километров они преодолели за три дня. Зашли по пути к помещику, поймали по курице, сварили. В Оснабрюке поселились все вместе, впятером в одной комнате. Здесь находились английские войска. Вскоре приехал советский офицер, сказал им, чтобы ничего не боялись. Уже после Победы, наверное, в июне 1945 года бывших пленных собрали в вагоны и отправили на восток. Проехали через мост по реке Эльба - тут встречали наши. И отправили уже... в свой лагерь. Здесь допращивали работники СМЕРШа, выявляли, как каждый попал в плен.

Николаю Костину скрывать было нечего - рассказал все, как было. Через некоторое время всех бывших невольников, окрепших, вновь стали зачислять в армейские ряды. Так Николай Костин получил назначение в 125-й отдельный радиотехнический батальон, в город Штраусберг. А потом в составе 80-го батальона аэродромного обслуживания они перелетели на самолетах в город Альтенбург. Позже перевели на территорию СССР. Один раз ездил в командировку через Москву в Запорожье, оттуда и был демобилизован. Прибыл домой, в Турецк, сержант запаса Николай Костин 12 июня 1949 года. Мать считала его пропавшим без вести - он последние год или два не писал писем.

Дома Николая Костина встретили настороженно - к бывшим пленным отношение было неприязненное. Но он никогда не вступал ни в какие объяснения, что доказывать людям, которые никогда не были на фронте? Работал в колхозе трактористом, шофером. Вместе со своей супругой Марией Никифоровной вырастили трех дочерей и двух сыновей. Сейчас у обоих уже совсем плохое здоровье, и они нуждаются в постоянном уходе. И еще супруги Костины хотели бы, чтобы государство впервые выделило Николаю Михайловичу автомобиль как участнику войны. Никогда он с такой просьбой не обращался, а их «Ниве», купленной на собственные накопления, уже более 20 лет.

В. УСКОВ.

КНИГУ НАПИСАЛ ЖУРНАЛИСТ

Недавно в редакцию газеты «Вести» пришла небольшая бандероль, а в ней две книги. На обложке указан автор - Владимир Прокушев, название - «Варварин ключ». Все объяснило письмо, вложенное в бандероль. Вот его текст:

- Здравствуйте, уважаемые коллеги!

Проработав немало лет в районных газетах нашего края, решил поделиться своими впечатлениями о той поре посред-

НАШИ КОЛЛЕГИ

ством книги. Знаю, что нынешняя ваша напряженка - похлеще советской. Но журналистам никогда не было легко. Не раз бывал в Большом Уле, писал о хлебо-робах. Хотелось бы вновь побывать в этих местах. Один экземпляр книги прошу передать в вашу библиотеку.

Желаю стойкости, выдержки, успехов!

С уважением,
Владимир Иванович Прокушев, член Союза журналистов России.
г. Красноярск.

